

Д. В. Дук

У истоков новой идентичности: Франциск Скорина¹

В статье излагаются археологические доводы в пользу гипотезы о том, что в первой половине XVI века на северо-восточной окраине современного Заполотья, недалеко от устья р. Полоты (район современных улиц Краснова и Михайловской) мог располагаться монастырь ордена бернардинцев, в котором будущий белорусский просветитель и первопечатник Франциск Скорина мог получить начальное образование.

Ключевые слова: бернардинцы, Франциск Скорина, первопечатник, Полоцк.

Полочанин конца XV в. идентифицировал себя с полноправным европейцем, чему свидетельством являются начальные факты биографии известного белорусского просветителя Франциска Скорины.

В семье полоцкого мещанина Лукьяна Скорины около 1490 г. родился будущий белорусский просветитель и первопечатник Франциск Скорина. Творческая судьба этого человека сложилась за пределами родного Полоцка. Это было обусловлено объективными причинами, поскольку во времена расцвета творческого таланта Скорины в первой половине XVI в. Полоцк переживал не лучшие времена по причине частых войн между ВКЛ и Московским княжеством. В начале XVI в. самым серьезным образом изменился военно-стратегический баланс сил между враждующими сторонами: московским княжеством и ВКЛ. Сильно изменилась линия государственной границы. Присоединение к Московии Пскова в 1510 г. и завоевание Смоленска в 1514 г. резко усилили Москву и одновременно сделали Белорусское Подвинье в полной мере пограничным регионом ВКЛ. Недавно присоединённые к Москве земли стали важнейшими палцдармами для многочисленных походов на Полоцк, Витебск и Браслав [1, с. 203]. Это не могло не сказаться на уровне ремесленного производства. Организовать фактически в пограничном городе для своего

¹ Работа выполнена в рамках задания Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований по теме «Военные конфликты XV—XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)» № Г17Р-032.

времени «инновационные», а соответственно высокотехнологичные, печатные мастерские было практически невозможно. Таким образом, неблагоприятная военно-политическая обстановка (Полоцк только во время войны 1512—1522 гг. трижды был обложен войсками неприятеля) могла стать решающим фактором в становлении творческой судьбы Франциска Скорины за пределами родного Полоцка.

Тем не менее, есть все основания полагать, что с Полоцком Скорину связывает нечто большее, чем место рождения. Именно тут могли пройти его юношеские годы и здесь, в Полоцке, он мог получить начальное школьное образование. Таким образом, обозначим два ключевых взаимосвязанных вопроса: мог ли Скорина получить начальное (школьное) образование в Полоцке и остались ли определённые материальные свидетельства существования школы, где мог бы учиться Сорина?

Известно, что Франциск Скорина происходил из богатого мещанского рода Скоринов. Этот статус сохранился за родом и в дальнейшем по крайней мере на протяжении первой половины XVI в. (об этом напрямую свидетельствует полоцкая ревизия 1552 года [2, с. 18—19]). Бесспорно и то, что Франциск Скорина получил начальное (школьное) образование на латинском языке. И хотя об этом не сохранилось ни одного письменного источника, без основательного начального образования нельзя было мечтать об обучении в университетах Центральной и Западной Европы. До поступления в университет в Кракове никаких письменных документов о жизни Франциска Скорины не сохранилось. Исследователи биографии Франциска Скорины высказали обоснованное предположение, что школьное образование он мог получить в Полоцке или Вильне [5, с. 15]. Это начальное образование было качественным и основательным, поскольку позволило Скорине получить университетское образование в Кракове за два года.

На рубеже XV—XVI вв. реальную подготовку к поступлению в университет в Великом Княжестве Литовском могли оказать парашкольные школы при католических монастырях (кляшторах). Такой монастырь бернардинцев существовал в Полоцке с 1498 г. Полоцкие бернардинцы имели тесную связь с виленскими [5, с. 16]. Становится понятным, что это обстоятельство могло содействовать переезду Франциска Скорины в Вильню — столицу ВКЛ. С одинаковой долей вероятности можно считать, что и в родном Полоцке, и в столичной Вильне Скорина мог завершить свою школьную учёбу, а успехи в науках дали ему возможность поступить в университет. Но здесь хотелось бы сделать одно наблюдение — поскольку всё творчество Скорины пронизано любовью к родной земле, а именно к «славному» Полоцку, можно

засвидетельствовать данный аргумент как дополнительный в поисках места школярства Скорины, того места, в котором будущий просветитель и первопечатник мог провести юношеские годы.

Тем не менее, бесспорным остаётся один факт — обучаться Скорина мог только в парафиальных школах католического ордена бернардинцев в Полоцке (с 1498 по 1504 г.) или в Вильне (возможно, правда, что вначале в Полоцке, а после — в Вильне). Связь с бернардинцами на начальном этапе становления творческой личности первопечатника была настолько близкая, что даже существует гипотеза о происхождении личного имени Скорины. Согласно С. Темчина, имя Франциск Скорина мог получить в связи с деятельностью францисканцев, поскольку бернардинцы в Польше и ВКЛ являлись ответвлением именно этого ордена и основали в Полоцке костёл Пресвятой Девы Марии Небесных врат [7, с. 151].

Таким образом, в поисках следов жизни и деятельности Скорины в Полоцке для нас важно получить любые сведения про бернардинцев в Полоцке с 1498 по 1504 г. — ко времени его поступления в Краковский университет.

Известно, что начальный монастырь бернардинцев существовал в Полоцке в 1498—1563 гг. и был первым и единственным католическим монастырём в городе в так называемый «доливонский» период. Монастырь был построен на Заполотском посаде. В 1563 г. во время захвата Полоцка войсками Ивана IV бернардинский монастырь прекращает своё существование — он был уничтожен по приказу Ивана IV. Бернардинцы возвращаются в Полоцк только в конце XVII в. и возводят сначала деревянные, а после и кирпичные строения монастыря уже в ином месте, в Задвинье [8, с. 536].

Согласно привилея 1498 г. великого князя Александра бернардинцам разрешалось жить в Полоцке на определённом участке города. Привилей регламентировал место строительства и характер застройки: «Erigenda ac pro monasterio, domibus, certis residenciis, habitationibus, ortis, officinis, ceteris commoditatibus construendis et constituendis aream, locum atque sittum, qui est sub castro nostro in Poloczko secus fluvium Polotha, incipiendo a fluvio Polotha circa latus pontis et tenendo circumferencialiter iuxta viam sive stratam, que ducit de castro versus ecclesiam S. Spiritus» («Возвести соответственно монастырь с заселёнными административными и жилыми домами, мастерскими со всеми потребностями, построенными в соответствии с местностью, которая расположена под Замком нашим в Полоцке, на берегу реки Полоты, начиная от берега до моста и продолжая по окружности в сторону гостинца или мощёной улицы, что ведёт от Замка к церкви Св. Духа») [9, с. 538]. В тексте оговорён четырехугольник: устье р. Полоты, возле ко-

тогого находился мост,— дорога к церкви Св. Духа — снова река Полота и луг. На сегодняшней карте Полоцка данная территория расположена в районе современных улиц Краснова и Михайловской.

В 2003 г. на северо-восточной окраине Заполотья во время археологических раскопок нами были выявлены следы богатой усадьбы XV в. Не исключено, что открытый археологический комплекс являлся частью двора, который держали ганзейские купцы и который с конца XV в. мог принадлежать бернардинскому монастырю [3]. В 2006 г. во время археологического надзора за земляными работами в Заполотье по ул. Краснова, д. 12 был найден набор печных изразцов первой половины XVI в. На одной стороне изразца была отображена монограмма Божьей Матери, что свидетельствует о католической конфессиональной принадлежности владельца печи. Эта печь могла находиться в доме ганзейского торговца или отца-бернардинца [4]. В 2010 и 2011 гг. нами были проведены археологические раскопки в Заполотье на месте участка по адресу ул. Краснова, 9, которое попало в зону возможного расположения бернардинского монастыря. И здесь также были обнаружены движимые и недвижимые артефакты, которые свидетельствуют о расположении именно в указанной части Заполотья католического монастыря бернардинцев.

Таким образом, Франциск Скорина имел возможность (и вероятнее всего успешно реализовал её) для получения начального образования в Полоцке, что позволило ему в дальнейшем обучаться в ведущих университетах Европы. На примере личности Франциска Скорины можно отметить одну из черт формирования новой идентичности² полочанина рубежа XIV—XV вв.: свобода в выборе веры (принимая во внимание католическое вероисповедание Скорины как наиболее вероятное³) и образовательной парадигмы, нацеленность на восприятие общеевропейских духовных ценностей и научных достижений. В дальнейшем эта свобода выбора будет реализована посредством образовательной стратегии ордена иезуитов в «постливонский период», и будет напрямую связана с последствиями Ливонской войны.

Истоки этой свободы уходят вглубь веков и впервые отражены в экуменистской деятельности игумении Спасского монастыря, Преподобной Евфросинии Полоцкой в XII в. Именно в её духовном наследии отразилось

² Под термином *идентичность* (лат. *Identitas*, англ. *Identity*) мы понимаем свойство психики человека выражать свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

³ Наиболее полно мнения историков о конфессиональной принадлежности Скорины в полемической форме изложены И. А. Марзалюком [6, с. 88], приведённые автором доводы и аргументы мы полностью разделяем.

влияние источников мудрости восточного и западного христианства, но это — предмет отдельного исследования.

На примере жизни известного полочанина Франциска Скорины необходимо отметить, что именно военное положение Полоцка как приграничной тверди являлось основной причиной реализации творческого потенциала Франциска Скорины вне пределов родного Полоцка. В дальнейшем военный фактор также станет одной из причин эмиграции другого известного просветителя, педагога и поэта — Симеона Полоцкого. Отрыв от полоцких реалий для реализации творческих амбиций Скорины был неизбежен. Университетского образования в то время в Полоцке не было. Более того, войны начала XVI в. сделали Полоцк непригодным для расположения в нем абсолютно для своего времени «инновационных», а соответственно высокотехнологичных, печатных мастерских. Получив начальное образование в Полоцке, и пронеся память о Полоцке как о своей малой Родине, Скорина реализовал на практике создание книги печатным способом, используя для этого умения и навыки, наработанные в Европе. Тем не менее, его ярко выраженная «русинская» идентичность не вызывает сомнения, как и тот факт, что своё «русинское» происхождение Скорина связывал с Полоцком (именно регион Белорусского Поднепровья и Подвинья отождествлялся в рассматриваемый период с хоронимом «Русь», а эндоэтноним «русь» отождествлялся со всеми частями старобелорусского этноса [6, с. 27—28, 66]). Франциск Скорина повлиял на укрепление государственной идентичности и патриотизма жителей ВКЛ, всячески подчёркивая в изданных им книгах Библии неразрывную связь с Родиной, а по-существу в своих трудах Скорина артикулировал национальную концепцию бытия народа, поскольку важнейшим маркером идентичности он считал именно языковую культурно-историческую общность, происхождение и общую территорию [6, с. 89].

Літаратура

1. Варонін, В. Падзеі вайны 1512—1522 гадоў у Беларускім Падзвінні / В. Варонін // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*: науч. сб. — Минск: РИВШ, 2013. — Вып 6. — С. 192—218.
2. Галенчанка, Г. Праблемныя дакументы Скарыніныя ў кантэксце рэальнай крытыкі / Г. Галенчанка // 480 год беларускаму кнігадрукаванню: матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў, [г. Полацк, 9—12 верасня 1987 г. / рэдактары А. Мальдзіс, Н. Давыдзенка, У. Конан]. — Мінск: Беларуская навука, 1998. — С. 9—20.
3. Дук, Д. Археалагічная разведка на Запалоцкім пасадзе Полацка ў 2003 г. / Д. Дук // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. — 2006. — № 11. — С. 104—113.

4. Дук, Д. У. Новыя знаходкі рэнесанснай кафлі ў Полацку (да пытання аб сацыятаграфічнай структуры Запалоцкага пасада ў першай палове XVI ст.) / Д. У. Дук, А. А. Салаўёў // Памятнікі эпохі жэлезы і сярневековья Беларусі (К 60-летію О. Н. Левко) / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск: ГНУ «Інстытут історыі НАН Беларусі», 2007.— № 14.— С. 215—221.

5. Кісялёў Г. Ці быў Скарына віленскім шкаляром? (Апокрыф Кіркора і сучасныя падыходы) / Г. Кісялёў // Скарыніч: літ.-наук. гадавік. / укл. А. Каўка.— Мінск: Беларускі кнігазбор, 2002.— Вып. 5 — С. 11—17.

6. Марзалюк, І. А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI—XVIII стст. (Этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан): манаграфія / І. А. Марзалюк.— Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007.— 164 с.: іл.

7. Темчын, С. Тау-крест в треугольнике на гравюрном портрете Франциска Скорины // Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына / Цэнтр. навук. б-ка імя Якуба Коласа Нац. акад. навук Беларусі; уклад. А. Груша; рэдкал.: Л. А. Аўгудзь [і інш.].— Мінск: Беларуская навука, 2017.— С. 146—153.

8. Ярашэвіч, А. Полацкі кляштар бернардзінцаў / А. Ярашэвіч // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т.— Мінск, 1999.— Т. 5.— С. 536.

9. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. T. 1 (1387—1507). Wydaliks. Jan Fijałeki Władysław Semkowicz — Kraków: Nakładem Polskiej Akademii umijętności, 1948.— 771 s.